

Боруленков Ю.П. О факторах, негативно влияющих на результаты юридического познания // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2013. – № 2 (7). – С. 316-325.

Ю.П. Боруленков

О ФАКТОРАХ, НЕГАТИВНО ВЛИЯЮЩИХ НА РЕЗУЛЬТАТЫ ЮРИДИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ

Автором в продолжение рассмотрения вопроса об истине в уголовном судопроизводстве, проблемах его практического преломления в практике правосудия, исследуются факторы, негативно влияющие на результат юридического познания. Подчёркивается, что многомерность структуры юридического познания предопределяет многоуровневость и разноплановость обстоятельств, влияющих на его результат. Отмечается, что объект юридического познания напрямую зависит от характеристик познающего субъекта. Анализируется влияние дисциплинарной практики на социально-психологические установки субъектов юридического познания.

Ключевые слова: юридическое познание; субъект юридического познания; дисциплинарная практика; результат юридического познания.

Как нами ранее отмечалось, объективная истина как результат юридического познания в рамках юрисдикционного процесса фактически недостижима. Компетентным органом устанавливается истина формальная, юридическая. По нашему мнению, соотношение этих истин представляет собой форму предела, стремления одной величины к другой, стремление истины юридической к истине объективной с той особенностью, что потенциально (теоретически) возможно почти полное их совпадение [12, с. 40-49].

Юридическое познание следует рассматривать как имеющую определённую внутреннюю структуру сложную систему, состоящую из множества взаимосвязанных и взаимообусловленных элементов разного уровня и разной значимости, в той или иной мере необходимых для формирования конечного результата, анализ которых, в свою очередь, позволяет выявить факторы, препятствующие этому. Многомерность структуры юридического познания предопределяет многоуровневость и разноплановость обстоятельств, влияющих на его результат. К негативным факторам мы относим любые объективные и субъективные, внешние и системные обстоятельства, влияющие на отклонения от идеальных условий и возможностей субъекта а) познавать объективную реальность и юридическую материю; б) выполнять процессуальные функции в соответствии с целями и задачами уголовного процесса.

К первоначальным, основополагающим обстоятельствам, влияющим на результаты юридического познания, относятся закономерности возникновения, существования и исчезновения информации о событии (предмета юридического познания). Изменения среды как отражение события, следствие взаимосвязи объектов, участвующих в акте, есть конечная фаза отражения. Искажение и неполнота отражений могут быть следствием отклонений в процессе возникновения доказательственной информации (например, в силу специфических, нетипичных условий слепообразования), перерыва или остановки этого процесса, или его маскировки [8, с. 75].

Мы поддерживаем мнение Ю.В. Корневского, вполне обоснованно полагающего, что «установление истины зависит не только от старания и умения практика, но и в значительной, порой решающей мере от объективных факторов: каковы объём и качество этих следов. И если их недостаточно, тем более если причастными к преступлению лицами ещё до вмешательства правоохранительных органов приняты меры к уничтожению или искажению данных следов, установление

истины становится проблематичным. Это вполне реальные факторы, и не считаться с ними нельзя» [21, с. 58].

Не следует оставлять без внимания и фактор времени, который существенно влияет как на собственно процесс стирания отражения, так и возможности познающего субъекта. В юридическом процессе фигурируют факты, которые констатируются в большинстве своём людьми, не привыкшими к наблюдению и фиксации явлений, вызывающие у людей разные эмоции, что влияет на объективность наблюдения (восприятие), фиксации (сохранение в памяти) и воспроизведения [24, с. 7; 13, с. 11]. Период существования отражения характеризуется естественным непрерывным убыванием, исчезновением содержащейся в нём информации под влиянием объективных и субъективных факторов. Несмотря на процесс рассеивания информации, в течение определённого промежутка времени изменения среды объективно существуют, т.е. сохраняют свои свойства носителей доказательственной информации (источников доказательств).

Ко второй группе мы относим факторы, связанные с особенностями работы субъекта юридического познания с доказательственной информацией при формировании процессуальных доказательств (фактофиксирующая, удостоверительная деятельность).

В литературе вполне обоснованно отмечается, что соотношение объективного и субъективного в деятельности субъекта юридического познания зависит от метода познания, который он применяет [9, с. 12].

Могут быть обнаружены только те потенциальные доказательства, которые содержат поддающуюся смысловой интерпретации информацию, смысл которых может быть понят, расшифрован с помощью существующих на данном уровне знания средств декодирования. Чем шире круг доступных, известных субъекту юридического познания средств, тем шире круг обнаруживаемых потенциальных доказательств.

Процесс формирования доказательства проходит несколько этапов. Во-первых, подготовительная часть состоит из двух составляющих: а) подготовка субъекта к получению информации, выявлению «следа», усвоение опыта предшествующих поколений – предынтерпретация, отображающая весь процесс формирования субъекта познания как специалиста в данной области; б) определение целей, создание условий исследования реальности. Вторым этапом является собственно получение эмпирических данных при применении конкретных методов познания (наблюдение, эксперимент и пр.). После этого идёт третий этап – обработка (интерпретация) полученных данных, состоящая из выявления и определённого обобщения инвариантного содержания данных, их выражения специальным процессуальным языком [25, с. 78-79].

Информационная сущность фиксации доказательств заключается в перекодировке доказательственной информации, содержащейся в её материальном носителе, и её перенос на средство доказывания [8, с. 191]. Любой процесс преобразования информации обуславливается потерей её части *по объективным и субъективным причинам*, поэтому невозможен абсолютно полный сбор информации.

К числу объективных причин можно отнести влияние на процесс восприятия среды, в которой происходит передача информации, например, особенностей состояния органов чувств, наличие физического утомления, возникшего в процессе работы и т.д.

Элементы субъективизма при формировании доказательств неизбежны, поскольку, как писал Р.С. Белкин, «восприятие следователем объективной действительности носит субъективный характер» [7, с. 49]. Устранить субъективность восприятия субъектом юридического познания как окружающего мира вообще, так и отдельных его элементов, подлежащих фиксации в качестве доказательств по делу, невозможно. Следует отметить, что субъективный фактор, безусловно, влияет в числе других и на формирование вещественного доказательства, поскольку это не собственно предмет материального мира, а предмет в окружающей обстановке [11, с. 185-190]. И здесь приходится учитывать субъективные факторы всех лиц, принимающих участие в формировании процессуального доказательства (специалисты, переводчики, адвокаты и т.д.).

Третью группу составляют факторы, связанные с особенностями как собственно юридического познания, которое нельзя рассматривать в целом как сквозной процесс накопления знаний некоего единого виртуального субъекта, осуществляющего познание в рамках юридического процесса от начальной и до конечной стадий, так и доказывания, которое мы определяем как *деятельность по обоснованию сторонами утверждений*. Каждый из субъектов осуществляет познание в рамках своих специфических функций и полномочий [10, с. 16]. И здесь играет существенную роль самый обширный спектр факторов, начиная с наличия опыта (в самом широком смысле этого понятия) и заканчивая личностными характеристиками субъекта.

Прежде всего, необходимо уделить внимание тому, что объект юридического познания напрямую зависит от характеристик познающего его субъекта. Объектом познания является фрагмент действительности, на который направлена мысль исследователя и который может быть описан, воспринят, назван, выражен в мышлении. При этом реально изучается не весь объект, а лишь его определённые стороны, характеристики, параметры [23, с. 33; 18, с. 116]. И если раньше, в рамках классической науки считалось, что во имя получения объективно истинного знания исследователь должен быть дистанцирован от объекта, должно исключаться всё, что относится к субъекту и средствам его деятельности, то современная рациональность имеет все основания утверждать иное. Субъект полагается носителем субстанциональных свойств, определяющих качественное своеобразие объекта, соответственно, объект – это то, что находится в зависимости от сознания, характеристик и средств субъекта и лишено самостоятельной сущности. То есть объект «вторичен по сравнению с проецированными на него онтологическими и гносеологическими характеристиками субъекта» [27, с. 1001; 30, с. 37]. А это означает, что субъект – комбинатор объекта, и личностные моменты исследователя (его ценностные ориентации, идеология, научные взгляды, цели, накопленные знания, избранный ракурс, парадигма изучения и т.д.) напрямую влияют на суждения и предлагаемые автором выводы [15, с. 20-28].

В самом понятии «доказывание» заключено положение о том, что одно лицо, убеждённое в истинности события, обстоятельства, предлагает другому лицу определённым образом собранные данные с целью формирования у него аналогичного мнения [20, с. 4]. И если для определения сущности юридического познания конкретного субъекта главную роль играют функции и полномочия, то для доказывания – функции и интерес [11, с. 113].

Как указывает Л.Я. Драпкин, «закрывать глаза на объективность существования

конфликтных ситуаций в расследовании, делать вид, что непосредственные интересы и цели участников уголовно-следственного процесса совпадают, было бы ошибкой» [19, с. 38-42]. Специфика юридического познания заключается в возможности реализации в отдельных ситуациях, характеризующихся наличием субъекта, заинтересованного в неудаче юридического познания, и противодействием со стороны заинтересованных лиц [6, с. 12; 33, с. 27-29].

Требуемый законом результат правовой деятельности на практике достигается не всегда. Случаи недостижения в профессиональной деятельности основных субъектов запланированного результата по юридическому делу вследствие совершения неправомерных действий либо допущенного бездействия, принятия неправильных решений по делу, нарушения требований процессуального закона, несоблюдения криминалистических рекомендаций и т.п. в литературе рассматриваются как следственные ошибки. Задачи своевременного выявления, быстрого устранения, эффективного предупреждения данных ошибок продолжают оставаться актуальными и для теории и юридической практики.

Сложности юридического познания в определённой мере связаны и с установленной законодательством его процессуальной формой. Последняя, формализуя юридическое познание, может как усложнять, так и упрощать его. Расследование не может продолжаться в настолько широких масштабах, насколько это становится обузой для общества и угрозой для прав личности. Поскольку уголовное законодательство и уголовная политика меняются, меняется и удельный вес объективных и субъективных элементов в составе преступления, постольку меняется не только архитектура уголовного дела, но и методы его строительства. Сегодня можно с уверенностью констатировать, что цели юридического познания, правосудия и конкретных субъектов доказывания не совпадают. На современное состояние уголовного процесса существенное влияние оказали разработки некоторых авторов концепции судебной реформы в РФ по ряду вопросов отличающиеся «демократическим пафосом, а не научной обоснованностью и аргументированностью» [4, с. 49].

Развитие и совершенствование юридической формы должно содействовать установлению наиболее эффективного, оптимального процесса юридического познания. Устранение из досудебного производства любого формального действия, придание ему динамичности, включение гласной оперативно-розыскной деятельности в состав уголовно-процессуального доказывания – вот перспективное направление модернизации уголовного судопроизводства [1, с. 80; 3, с. 93, 98].

В настоящее время правоприменительную деятельность приходится осуществлять в необычайно сложных условиях, предопределённых как всем известными факторами кадрового, финансового и материально-технического характера, так и кардинальными изменениями идеологических, политических и экономических приоритетов, что не может не повлиять на работу субъектов по юридическим делам.

Анализ позволил выделить следующие виды угроз правовой деятельности: с одной стороны – некомпетентные, неудовлетворённые своим статусом, нечестные работники, с другой – организованная преступность. Угроза, исходящая от некомпетентности сотрудников, определяется уязвимостью системы. Эта угроза исходит в основном от слабо подготовленных лиц, которые незаслуженно достигли

привилегированного положения и способны на нечестные поступки для достижения ещё больших привилегий. Неудовлетворённые служащие предоставляют внутреннюю угрозу. То же можно высказать и про нечестных правоохранителей. Трудно определить, какая из этих категорий субъектов юридического процесса может нанести больший урон. Обычно их действия выливаются в подрыв правоохранительной системы.

Угроза, исходящая от организованных преступных группировок, основывается на том, что криминальные элементы пытаются получить доступ к правовой системе, в том числе информационным ресурсам, чтобы обеспечить незаконные доходы и безопасность криминальной деятельности.

В связи с этим предоставляется целесообразным уделять больше внимания подбору и изучению кадров, проверке любой информации, указывающей на их сомнительное поведение и компрометирующие связи. Одной из главных задач, стоящих перед правоохранительными структурами, является формирование профессионального ядра наиболее квалифицированных работников, улучшение методического обеспечения, в особенности, с учётом значительного омоложения кадров. Для разрешения возникающих проблем необходимы новые теоретические разработки способов повышения эффективности юридического познания, широкое внедрение последних в ежедневную работу правоохранительных органов и суда.

И если говорить о работе следователя, то здесь существенное значение имеет психологическая устойчивость – это динамика устойчивых состояний личности как системы, при которых она способна с определённой вероятностью идентифицировать и блокировать внешние и внутренние негативные воздействия. На передний план выходят три аспекта психологической устойчивости: стойкость, стабильность; уравновешенность, соразмерность; сопротивляемость [26, с. 325].

Следует учитывать и такой аспект юридического познания, на который в своё время обратил внимание А.И. Трусов, – случайное стечение обстоятельств. Как он справедливо отмечает, пытаясь преодолеть последствия сталинщины, некоторые учёные впали в другую крайность – «роль случайного фактора в процессуальном доказывании вообще стали сбрасывать со счёта... Порождая иллюзии наивного гносеологического оптимизма в отношении оценки познавательной ситуации в судопроизводстве, подобный подход чрезвычайно упрощает задачу установления истины по судебному делу, ведёт к недооценке тех многочисленных факторов, которые могут как способствовать, так и препятствовать её установлению» [32, с. 6-7].

Что такое случай? В словарях даются разные определения. В общем, они делятся на два взгляда: 1) случайность есть незнание причин, вызывающих то или иное явление, реально существует только необходимость (Демокрит); 2) случайность является конструирующим началом во Вселенной (Эпикур). Существование невероятных совпадений трудно привести в соответствие с теми законами мироздания, которые были выработаны материалистической наукой, описывающей мир с точки зрения причинно-следственных связей. И возможность того, что что-то подобное произойдет случайно, настолько бесконечно мала, что не может даже рассматриваться в качестве серьёзного объяснения [17]. В контексте настоящей статьи мы определяем случайное стечение обстоятельств как совпадение факторов объективного и субъективного свойства существенно повлиявшее на естественный ход познания по конкретному юридическому делу, и предопределившее либо его результат, либо

возможность установления конкретных фактов.

Бесспорным является утверждение, что сообщение для каждой категории людей несёт совершенно разную информацию, соответствующую кругу интересов получателя. Причём «решающим для связи между сообщением и содержащейся в нём информацией является некоторое отображение, которое является либо результатом договорённости, либо результатом понимания, либо предписанным правилом» [29, с. 33].

В убеждении компетентного органа (публичного субъекта юридического познания) всегда имеется субъективный элемент, формирующийся на личном отношении этих лиц к исследуемому событию, на их жизненном и профессиональном опыте, с учётом их психологических данных. Субъективная компонента формирования юридического факта является не только истолкованием полученных и проинтерпретированных эмпирических данных в пределах существующей процессуальной парадигмы, но и содержит отсылку к более глубинным априорным гносеологическим положениям, определяющим как возможность такого истолкования, так и правила отбора, получения и инвариантного обобщения эмпирического материала.

В принципе, мы выходим на трёхуровневую гносеологическую схему формирования юридического факта. Содержание процессуальных доказательств конструирует доказательственные факты, на основании совокупности которых возникает образ события прошлого – собственно юридического факта. Результатом доказывания является юридический факт – это знание компетентного органа – проекция сложной юридической деятельности, несущей на себе печать и личности субъектов доказывания, и особенности социально-культурного контекста.

В состязательном процессе интерпретационный элемент достигает острой фазы кризиса и снимается тем, что суд отдаёт предпочтение наиболее правдоподобной, сильной интерпретации [2].

Влияние социально-психологических факторов на юридическое познание следует признать неизбежным. Система социально-психологических воздействий на уровне индивидуального субъекта юридического познания включает в себя влияние ощущения и восприятия, мышления и речи, неявного, скрытого знания, эмоциональной сферы, мотивов, установок, бессознательных тенденций и переноса идей из других социально-культурных контекстов.

Юридическое познание – коммуникативная деятельность, неотъемлемой составной частью которого является многостороннее взаимодействие субъектов (государственных органов и должностных лиц) с иными участниками, что предполагает соответствующие формы сотрудничества, обмен информацией, результатами. Характер и содержание взаимодействия зависят от процессуального статуса субъектов, занятой ими позиции по делу, информационной осведомлённости.

Внутригрупповые отношения, отношения между конкурирующими и сотрудничающими группами субъектов – всё это может существенно влиять на формирование результатов юридического познания через приверженность парадигме или определённым стилям мышления. Роль социально-психологических факторов на уровне группового субъекта познания ещё больше усиливается, так как стиль мышления или общее видение начинают довлеть над индивидуальным человеком и навязывают ему свои «правила игры».

С точки зрения социальной психологии внутреннее убеждение субъекта оценки доказательств – не всегда убеждение, всегда не внутреннее и не свободное [31, с. 87]. Процесс оценки доказательств сугубо субъективен, что определяется индивидуальной способностью: а) получать знания; б) анализировать полученные знания для достижения целей доказывания; в) реализовывать поставленные цели. И если информация, полученная субъектом юридического познания, всегда является контекстно-независимой, то знания, полученные им из поступившей информации, всегда являются контекстно-зависимыми [28, с. 2]. В оценке доказательств значительную роль играют правовые эмоции, в которых выражается окрашенное в личностные тона отношение к правовому регулированию, юридической практике, конкретной правовой ситуации [16, с. 4].

Юридическое познание конкретно – осуществляется познание конкретным субъектом, конкретного обстоятельства, в конкретной обстановке, конкретными средствами. Результат же юридического познания является совокупным продуктом совместной юридической деятельности, и в этом контексте, по нашему мнению, существенное, если не определяющее, влияние на него оказывает соотношение личностных качеств конкретных участников юридического процесса, движимых различными интересами.

С внешней стороны доказывание субъекта выражается в способности моделирования юридического факта в сознании правоприменителя субъектом доказывания, при помощи отображения субъективного в объективном мире действиями или осмысленными преднамеренными бездействиями в рамках установленной юридической процедуры.

Для ряда субъектов доказывания (например, защитника подсудимого, представителя гражданского истца) интерпретация установленных обстоятельств в процессе доказывания зависит от интереса иных субъектов (подсудимого, гражданского истца), независимо от собственной оценки обстоятельств дела. И здесь следует заметить, что адвокат всегда обязан найти и продемонстрировать суду все изъяны позиции стороны обвинения (в том числе, по причине скованности волей доверителя), он часто отстаивает заведомо для него ложную позицию, и в этом случае в обязанности защиты входит убеждение суда в том, что объективная позиция неверна, несправедлива, незаконна.

Существенность различий правовых позиций сторон и субъектов юридического процесса коренится в противоположности их интересов, а основывается на разных подходах: а) к определению фактов, подлежащих рассмотрению, и которые должны считаться установленными; б) к интерпретированию одних и тех же установленных фактов; в) к толкованию и применению уголовного закона (квалификация). В свою очередь, множественность квалификаций события следствие: 1) возможности разной интерпретации фактов; 2) различий в определении совокупности фактов, подлежащих квалификации; 3) разного понимания уголовного закона.

Возможно ли на стадии предварительного расследования обеспечить точную квалификацию действий? Ведь квалификация – это установление тождества между признаками состава преступления и признаками деяния. Насколько следователю и прокурору дано предугадать результаты судебного следствия? Особенно в состязательном процессе. В таком заформализованном уголовном процессе как у нас в стране. Поскольку оценка доказательств осуществляется на разных стадиях процесса

различными субъектами, их оценка пределов доказывания может не совпадать. Не случайно со старым, проверенным временем принципом следствия – максимально возможной квалификацией деяния, исходя из установленных следствием обстоятельств дела, соглашаются и большинство опытных судей, считающих, что в данном случае у суда появляется возможность маневра.

Именно сторона обвинения имеет возможность выбрать предмет доказывания и квалификацию деяния, в пределах которых защите и суду лишь предстоит действовать. Сторона обвинения имеет максимальную возможность занять абсолютно объективную позицию. Может, и не так часто, как хотелось бы, но все же сторона обвинения эти возможности использует. Но этим она не ограничивается. Прокуроры и следователи в большей или в меньшей степени, но вынуждены в пределах требований закона защищать ещё и ведомственные интересы, а точнее – интересы стороны обвинения, состоящей в уголовном процессе [14, с. 131-133].

Следует с сожалением констатировать, что в силу определённых обстоятельств (в том числе дисциплинарной практики, таких статистических показателей как эффективность кассационного обжалования, отказ от более тяжкого обвинения) прокуроры, да и судьи, заинтересованы, прежде всего, в устойчивости (неотменяемости) приговоров.

Из этой общей посылки прокуроры исходят как при направлении дела в суд, так и выстраивая свою позицию в суде. В условиях состязательного судопроизводства можно ли упрекать прокурора в том, что приговор, постановленный в полном соответствии с позицией прокурора, впоследствии судом кассационной инстанции по каким-то основаниям будет изменён или отменён, без кассационного представления прокурора. Дисциплинарная практика свидетельствует – упрекают. Так, одним из показателей работы прокурора в области гособвинения является процент приговоров, измененных кассационной инстанцией [22, с. 38].

Незримое постоянное присутствие беспощадного меча дисциплинарной ответственности заставляет прокуроров стремиться минимизировать риски, связанные с возможной отменой или изменением судебных решений. Существует несколько средств выполнения этой задачи, и одно из них – снижение планки квалификации на стадии направления дела в суд под лозунгом «максимально точной юридической оценки деяния». И логика здесь проста и прагматична. Сторона защиты только приветствует минимальную квалификацию, суд первой инстанции лишён правовой возможности высказаться по данному вопросу, государственное обвинение удовлетворено – судебное решение соответствует его правовой позиции, а суд второй инстанции по этому основанию не отменит приговор, поскольку в данной ситуации практически нет средств ухудшить положение осужденного.

Это же обстоятельство заставляет прокурора с «особым вниманием» относиться к делам, поступившим с обвинительным заключением, где, например, следствие пытается апробировать новые составы преступлений. И тут попадаем в порочный круг – нет судебной практики – дела в суд не идут, не идут дела – нет судебной практики, в частности кассационной.

Аналогичная проблема возникает и при неоднозначной оценке доказанности факта. Дисциплинарная практика вынуждает прокуроров перестраховываться. Да и не только прокуроров.

Это же подвигает государственных обвинителей согласовывать свою позицию с судьями, которые, опять же исходя из требований устойчивости приговора, не могут не учитывать мнение стороны защиты. Или вынуждает прокуроров вносить кассационные представления на все без исключения приговоры (порою, вопреки позиции гособвинителя), особенно по которым поступили кассационные жалобы стороны защиты.

Такая позиция прокуроров, несомненно, отражается и на взаимоотношениях прокуроров и органов следствия, начиная со стадии возбуждения уголовного дела и до принятия решения об утверждении обвинительного заключения. И вопрос не в возбуждении уголовного дела, а в перспективе дальнейшего движения дела.

Закон даёт возможность правоприменителю в сходных ситуациях в рамках одних и тех же норм принимать правомерные, но при том различные, а порой и противоположные по характеру и последствиям правовые решения. А. Барак, исследуя судебское усмотрение, определяет его как «полномочие, данное лицу, которое обладает властью, выбирать между двумя и более альтернативами, когда каждая альтернатива законна» [5, с. 13]. Но какое бы решение не принял практический работник, он сделает это, выполняя отведённую ему роль, в основе которой всегда лежит строго определённый интерес [14, с. 130].

Суд объективен относительно лишь позиций сторон. Стороны своим выбором связывают суд по вопросам факта и права прямо (запрет на выход за пределы обвинения) или косвенно (предложение суду оправдать и (или) смягчить наказание). В определённом смысле не так уж независим судья, рассматривающий любое уголовное дело. Полная объективность по делу ему далеко не всегда доступна. Он – часть системы и действует в конкретной ситуации. Делая свой выбор, судья учитывает известную ему кассационную практику, взвешивает перспективы обжалования приговора сторонами и иные практически значимые обстоятельства. Не случайно один из известных современных юристов назвал современную российскую законность кассационной.

И в завершении коснусь оправдательных приговоров. Лет десять назад, работая в должности начальника отдела по обеспечению участия прокуроров в рассмотрении уголовных дел судами областной прокуратуры и проходя обучение на курсах повышения квалификации руководящих кадров Генеральной прокуратуры РФ в Москве, на встрече с представителем прокуратуры США уровня помощника прокурора района я задал ему вопрос о реакции его руководителя на оправдательный приговор, постановленный по результатам процесса с его участием¹. Я достаточно долго объяснял суть вопроса. И когда американский прокурор понял, он ответил, что начальник его поощрит. И тут ахнули мы – почти сто руководителей уголовно-судебных отделов областных прокуратур страны. И нам объяснили, что прокурор его поощрит за то, что с имеющимися доказательствами он решился привлечь к уголовной ответственности негодяя.

По нашему мнению, отношение к оправдательным приговорам как лакмусовая бумага отражает позицию юридического сообщества к юридическому процессу в

---

¹ К слову сказать, система прокурорского надзора за расследованием преступлений в Америке существенно отличается от нашей. По сути там помощник прокурора – руководитель бригады по расследованию преступления или деятельности преступной группы. Он же и поддерживает обвинение в суде по «своему» делу.

целом, и юрисдикционному процессу в частности (его целям, задачам, принципам, структуре).

Сложившийся классический идеал юридического познания продолжает до сих пор разделяться и поддерживаться целым рядом учёных и практических работников. Юридическому познанию отводится специфическую роль – объективного и истинного познания. Юридическому сообществу нелегко примириться с тем, что их деятельность может носить как временами ошибочный, так и подчас опасный для общества характер. Поэтому, ратуя за объективность, не все готовы объективно взглянуть на само юридическое познание и признать, что там доминируют объективные и субъективные факторы, негативно влияющие на результат.

Пристатейный библиографический список

1. Александров А., Кухта А., Терехин В. О правовом значении результатов гласных оперативно-розыскных мероприятий для уголовного дела и реформы досудебного уголовного процесса // Уголовное право. 2009. № 6.
2. Александров А.С. Новая теория доказательств // iuaj.net/book/export/html/406.
3. Александров А.С., Фролов С.А. Относимость уголовно-процессуальных доказательств: монография. Н.Новгород, 2011.
4. Балакшин В.С. Доказательства в теории и практике уголовно-процессуального доказывания (важнейшие проблемы в свете УПК Российской Федерации): Дис. ... докт. юрид. наук. Екатеринбург, 2005.
5. Барак А. Судейское усмотрение. М., 1996.
6. Баранов С. Похищено уголовное дело. Что делать // Российская юстиция. № 8. 1998.
7. Белкин Р.С., Лифшиц Л.М. Тактика следственных действий. М., 1997.
8. Белкин А.Р. Теория доказывания в уголовном судопроизводстве. М., 2005.
9. Белоусов А.В. Процессуальное закрепление доказательств при расследовании преступлений. М., 2001.
10. Боруленков Ю.П. Теоретические основы процессуального познания. Владимир, 2006.
11. Боруленков Ю.П. Юридическое познание в процессуальной, оперативно-розыскной и частной детективной деятельности. Владимир, 2009.
12. Боруленков Ю.П. Стремление к истине – высший закон правосудия // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2012. № 4(5).
13. Бурданова В.С. Поиски истины в уголовном процессе. СПб., 2003.
14. Гармаев Ю., Раднаев В. Четыре позиции в мыслительной деятельности правоприменителя // Уголовное право. 2009. № 5.
15. Глухарёва Л.И. Предмет как критерий научности юридического знания // Юриспруденция. М.: Изд-во РГГУ. 2010, № 2 (18).
16. Горевой Е.Д. Факторы, влияющие на убеждение судьи // Мировой судья. 2007. № 6.
17. Гроф С. О случайных стечениях обстоятельств // <http://www.sunhome.ru/psychology/12474>
18. Джегутанов Б.К., Стрельченко В.И., Балахонский В.В., Хон Г.Н. История и философия науки. Учеб. пособие. СПб., 2006.
19. Драпкин Л.Я. Понятие и классификация следственных ситуаций // Следственные ситуации и раскрытие преступлений. Свердловск, 1975.
20. Елизаров В.А. Доказывание сторонами оснований своих требований и возражений в гражданском процессе: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1968.
21. Корневский Ю.В. Актуальные проблемы доказывания в уголовном процессе // Государство и право. 1999. № 2.
22. Корсаков А. Прокуратура: взгляд изнутри. Стр. 38 из 119. 17.09.2012 18:30 // <http://www.chitalnya.ru/print.php?id=H512193>.
23. Кохановский В.П., Лешкевич Т.Г., Матяш Т.П., Фатхи Т.Б. Основы философии науки. Учеб. пособие. Ростов н/Д., 2004.
24. Курылёв С.В. Объяснения сторон как доказательство в современном гражданском процессе. М., 1956.

25. Кухта А.А. Доказывание истины в уголовном процессе: Монография. – Н.Новгород, 2009.
26. Никошкова Е.В. Англо-русский словарь по психологии. М., 1998.
27. Новейший философский словарь. Минск, 2001.
28. Писарев Е.В. Особенности оценки криминалистической информации в следственно-оперативной группе // Российский следователь. 2012. № 4.
29. Сетров М.И. Информационные процессы в биологических системах. Л., 1975.
30. Степин В.С. Теоретическое знание. М., 2003.
31. Тарасов А.А. Единоличное и коллегиальное в уголовном процессе: правовые и социально-психологические проблемы. Самара, 2001.
32. Трусов А.И. Проблемы надёжности доказывания в советском уголовном процессе. М., 1984.
33. Фильченко А.П. Восстановление утраченного уголовного дела как механизм, препятствующий прекращению правоотношения уголовной ответственности // Российский следователь. 2012. № 9.

Yury Petrovich Borulenkov

ABOUT THE FACTORS WHICH ARE NEGATIVELY INFLUENCING ON RESULTS OF LEGAL KNOWLEDGE

The author throughout consideration of a question of truth in criminal legal proceedings, problems of its practical refraction in practice of justice, investigates the factors which are negatively influencing result of legal knowledge. It is emphasized that multidimensionality of structure of legal knowledge predetermines a lot of levels and different plan of the circumstances influencing its result. It is noted that the object of legal knowledge directly depends on characteristics of the learning subject. Influence of disciplinary practice on social and psychological installations of subjects of legal knowledge is analyzed.

Keywords: legal knowledge; subject of legal knowledge; disciplinary practice; result of legal knowledge.